

Елена Александровна Асеева

За чертой

Елена Асеева

За чертой

«Издательские решения»

Асеева Е. А.

За чертой / Е. А. Асеева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960643-3

Данила, обычный и ничем не примечательный юноша, внезапно оказывается в непонятном для него месте. Из всего, что он помнит о себе, лишь имя и возраст... Из всего, что он наблюдает перед собой, лишь сизо-серое небо и такая же пепельная болотистая земля... Впрочем, отсутствие воспоминаний, пейзажа и людей — только малая часть того, что ему предстоит испытать и пройти, чтобы очутиться за чертой!

ISBN 978-5-44-960643-3

© Асеева Е. А.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая. Данила	6
Глава вторая. Чертов ковбой	10
Глава третья. Какая-то хрень	13
Глава четвертая. Хрень продолжается	15
Глава пятая. Жиган	17
Глава шестая. Шнырь и Джеки	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

За чертой

Елена Александровна Асеева

*От зенита Сатурна до чрева Земли
Тайны мира свое толкованье нашли.
Я распутал все петли вблизи и вдали,
Кроме самой простой – кроме смертной петли.
Омар Хайям.*

© Елена Александровна Асеева, 2018

ISBN 978-5-4496-0643-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. Данила

Данила открыл глаза и первое, что увидел над собой низко нависающее небо сокрытое тучами. Их удивительный цвет, сочетающий в себе темно-серые и серебристые тона, одновременно, перемешиваясь, создавал не менее поразительный объем, похоже собранный из плотных парообразных масс не просто сизо-свинцовых, а прямо-таки почерневших на стыке с самой землей. Казалось даже, что внутри того растянутого в наблюдении небесного участка, скучившихся между собой туч, происходило кипение. И наполненные водой, неспешно перекапывающиеся, огромные пузыри (воспроизводящие процесс перехода жидкости в пар) не только изливали вниз редкие капли, начинающегося дождя, но и словно спускали такой же темный, свинцовый туман, образующий дополнительную полосу мороки. Впрочем, данная пелена, супротив основного дождевого фронта, смотрелась разрозненной, и под падающими из мрачных облаков мелких и редких капель дождя медленно опускалась вниз. Легкий ветерок, едва покачивал темно-русый вихор, прикрывший правый глаз Дани, неизменно подергивая его вправо, в унисон с несмело движущимися в ту же сторону сизо-свинцовыми дождевыми тучами.

Однако первое, что после созерцания небосвода и локона длинной челки отметил для себя парень, это невероятную тишину и горечь, плывущую в воздухе, которую, пожалуй, не могли подавить сыплющиеся капли воды. Так, ровно всего в шаге от лежащего на спине Данилы жгли мусор. Да не просто там траву или листву, а скорей всего автомобильные покрышки, отходы из ДСП и пластика, потому в горле ощущалось першение, и язык слегка покалывало. Хотя прежде чем выяснить, что так воняет и кто занимается сжиганием мусора, Данька прислушался, потому как отсутствие привычных звуков: разговора людей, гула двигателей автомашин, заунывного воя сирен скорой помощи, стука, хлопков, лая, даже малого стопа, хрипа, комариного писка – сейчас его волновало и пугало. Еще ни разу в жизни он не воспринимал собственным слухом такое безмолвие, сравнимое только с могильной тишиной...

Внезапно, и явно издалека, нарушая плывущее безмолвие, наконец-то донесся громкий и резко нарастающий звук, подобие бьющего колокола. И Даня тягостно сотрясся всем телом, сначала от неожиданно проступившего звука, единственного в этом краю, а после оттого, что само сравнение с колокольным звоном, точно звонящим по усопшему, наполнило его тело и душу тревожным состоянием.

Парень легонечко качнул головой стараясь изгнать собственный испуг и, наконец, вспомнить, где он находится и, что тому предшествовало, не переставая прислушиваться к колокольному звону точно приближающемуся, а потом удаляющемуся, а то и вовсе ровно идущего волной. Данила ощутил морщил свой большой и гладкий лоб, сводил вместе короткие, густые брови, щурил небольшие с острыми уголками глазницы, принохивался, шевеля заостренным кончиком широкого носа, и даже приоткрывал, с явно выступающей верхней губой, рот, пытаясь хотя бы при помощи органов чувств восстановить в памяти собственную фамилию, имена родителей, место своего жительства. С ужасом понимая, что из всего перечисленного в голове присутствует лишь малая часть информации, а именно то, что ему семнадцать лет, он проживает в городе, и учится в школе, в которую ехал на маршрутном такси «25А».

От того мозгонапряжения у юноши заболела голова, потому в надежде осмотреться и тогда уже точно, все понять и вспомнить, Даня, поднявшись, сел. И опять же сразу увидел перед собой пересеченную небольшими оврагами и невысокими вытянутыми пригорками равнину, больше напоминающую болотистую местность. Так как на ней не только в углублениях, впадинках, но и на выровненных участках просматривалась рябь зеленой водицы. Саму же землю такую же серо-сизую, как и пухнувшие над ней небеса, покрывали жалкие лоскутки бурых мхов (словно сожженных яркими лучами солнца), мельчайшая галька, да сосед-

ствующие с ней более крупные булыжники. Местами надо мхами высились низкие с искривленными стволами и опущенными вниз тонкими ветками дерева, не то, чтобы не имеющие листья, но даже и коры, потому пугающие своими и опять же черными стволами. И данные растения было сложно назвать полноценным «деревом» или применить к ним сочетание – росли... Потому как эти подобия деревянистых растений, кажется, лишь воткнули во мхи в неких местах, дабы придать самому краю не столь опустошенный вид. Ведь между тех сравнительно глубоких оврагов заполненных водой, или невысоких взгорий, пролегающая земля как каменная, так и поросшая мхами смотрелась всего-навсего тонкими линиями островков прокинутых между болотных окон, объемных озер. Над водами которых, в свою очередь, плыли грязно-серого оттенка загустевшие туманы, вроде длинных языков, распадающихся на отдельные клоки и, пожалуй, что смешивающихся с теми кои вниз, в виде туманной свинцовой полосы, сдавливали капли дождя.

Данька окинул взглядом стелющуюся перед ним болотистую местность, расплзающуюся от возвышения во все стороны, и, созерцаемо на горизонте, откуда и двигались тучи, сходящуюся с небом в сине-черную черту, настолько темную, точно указывающую на гиблое место. А затем, и, уже более внимательно взгляделся в расположившееся прямо под бугром, на краю которого сидел, поселение, комбинат, завод. Не зная даже какое название можно было использовать при определении увиденного. Так как наблюдаемое трудно соотносилось с городом или селом, из-за отсутствия приметных благ цивилизации: асфальтированных дорог, парков, скверов или тех же жилых строений, как и с промышленным комбинатом, в силу самого вида существующих построек. Ведь прямо в основании возвышения поместилось около десятка (не более того) престранных сооружений, подобия металлических труб огромных в диаметре и высоких, ограниченных сверху достаточно ровными площадками. Частично ушедшие в землю, те постройки окружала со всех сторон зеленая, с коричневой дымкой над ней, вода. Слегка накренившиеся то вправо, то влево, они поражали взгляд собственной дряхлостью, ржаво-коричневым цветом металла, который, видимо, и воспроизводил слышимый Данькой колокольный звон. На самих строениях не наблюдалось окон, дверей, установок, каких-либо конструкций или узлов и их стены все же можно было назвать относительно ровными.

Исследовав пространство земли впереди, парень обернулся. К собственному ужасу увидев и позади всю ту же пересеченную небольшими оврагами, невысокими вытянутыми холмами равнину и, одновременно, болотистую местность, с лоскутками сизо-серой земли да окнами зеленой воды. Единственно, чем та даль отличалась от виденной впереди, лишь отсутствием черной черты по линии горизонта. Ибо там, как и по обе стороны от сидящего Дани, место стыка земли и небес переливалось темно-серебристым отсветом.

Впрочем, ни впереди, ни позади какого-либо жилого селения, человека, или даже понимания откуда до него донеслась горечь пожара, не просматривалось. Ровно тут кроме юноши ни кого и не было, а горечь воздуха создавал сам плывущий над углублениями и впадинками грязно-серого оттенка загустевший туман.

Данька еще немного сидел неподвижно, так сказать, осмысливая происходящее и виденное, а погода, все-таки, поднялся на ноги. И в тот же момент обратил внимание уже на себя... Точнее на вещи, в которые был одет. Ибо в основном парень (и это он помнил четко) предпочитал джинсы, рубашки, футболки и кроссовки. Но сейчас на нем была военная форма армии США. Так как полевую куртку с капюшоном в воротнике, нагрудными боковыми карманами, манжетами на запястьях, как и брюки с молниями внизу штанин, цвета мултикам (фона светло-коричневого и зеленого), да военные берцы, охватывающих середину лодыжек, с резиновой вулканизированной подошвой, Данила ни с какой другой не спутал бы... Вероятно, сейчас находясь в компьютерной игре и выступая за команду американского спецназа, морских котиков. И вовсе отвергая мысль, что он спит, так как слишком ярким было наблюдение, как и сами ощущения. Предположив, что он в игре, парень опирался на знания игрового процесса, ибо

в том не просто напрактиковался... Он не то, чтобы любил компьютерные игры, был их большим фанатом. Он ими, ни много, ни мало – жил... Как говорится, оставляя те лишь на «brb – скоро вернусь».

Хотя сейчас даже радость от приобретения формы, такой явственно наблюдаемой, осязаемой, приглушил страх одиночества и обреченности, наполнивший Данилу. Стоило ему лишь оглядеться и прийти к мысли, что само предприятие или село давно заброшены, а биение колокола, всего-навсего последствия разваливающихся и таких нелепых сооружений.

И вновь... сильней, Даня качнул головой в надежде вспомнить, где он есть и как сюда попал, словно до конца не доверяя ощущению собственного пребывания в игре. И видимо, в желании вспомнить, еще более важное, что тому переходу, прибытию сюда, предшествовало.

Из всего того напряженного мозгового штурма юноше удалось вспомнить свою фамилию – Зинин. И то, что поутру он, однозначно, вышел из многоэтажного дома, где жил, направившись в школу. С очевидным желанием, провалиться по дороге в тартарары, так как сегодня должна была состояться контрольная по алгебре, к которой он почти не готовился. Определенно, наблюдался (в какой-то неясной дымке) и сам путь до маршрутки, сизая пелена города, в уже наступающей зиме, сыплющая с такого же темного, предрассветного небосвода порошу снега и ровно переплетающаяся с этим чугунным небом принявшимся ронять капли дождя более плотным строем. Даня, кажется, еще не менее четко увидел, как он натянул на голову капюшон куртки, скрывая свою асимметричную, модную прическу на ней. И где большая часть волос была подстрижена коротко, а справа лежащие неровными патлами они переходили в рваную, всклокоченную, длинную челку. Тем как бы подчеркивая его узкое лицо, впалые щеки и выступающие, да такие мужественные скулы.

Впрочем, весь остальной путь, как и саму посадку в маршрутку (хотя Данила в нее сел) никак не удавалось припомнить и потому вызывало в юноше не только тревогу, но и ощущение чего-то неведомо интересного. Эти чувства Дани были знакомы, он зачастую их испытывал в играх, наблюдая себя виртуальным бойцом в трехмерном пространстве, выполняя задания карты или уничтожая соперников.

Поэтому парень и сейчас предположил, что находится в такой игре... Все же в игре, не во сне... Может слишком в нее погрузившись. Ведь, как и в любой игре, жанра шутера, он наблюдал тут очевидный верх и низ, с осязаемым присутствием гравитации.

Конечно, в этой игре слишком много было нового...

Ну, как пример, не ясна и не видна сама цель игры. И парень явно не управлял мышью или клавиатурой, а ровно поместился в нее полностью, со своими ногами, руками, телом и скорее всего лицом (во всяком случае, волосы и прическа оставались его). Непонятным было, как выбрать оружие, где можно проследить за здоровьем, броней, становилось не ясным есть ли тут чат и действует ли он. Да и главное не отражались перед ним не только его враги, но и его клан. И даже если предположить, что Данила играл в какую-то модификацию стрелялки, рассчитанную на одиночную игру, в любом случае ему полагалось каким-то образом сформировать собственный клан, выбрав членов из предложенных разработчиками. Чего тут опять же не наблюдалось и не пояснялось...

Поэтому желая уж как-нибудь продвинуться, начать игру, понять ее, и, естественно, намереваясь, все-таки, спрятаться от усиливающегося дождя, Данька, нащупал висящий на спине капюшон, и, накинув его на голову, сразу шагнул вперед, намереваясь идти к лежащему в долине поселению или заводу. Да только стоило ему сделать с десятков шагов вниз по расплывающемуся под каплями дождя грунту (сверху едва присыпанного мелкой галькой), как подошвы его берц скользнули в вязкую жижу, потому и сами ноги дрогнули в коленях. Парень тягостно пошатнулся, да, не удержавшись, плюхнулся опять на зад. Въехав им в не менее жидкую массу грязи, перемешанную с гравием, качнувшим его, точно подушка вверх-вниз. Приземление было столь скорым и достаточно болезненным, посему Данька

громко «ойкнул!» и на чуть-чуть замер в таком положении, а после принялся смахивать с рукавов куртки и штанин брюк тягучие свинцовые капли грязи, поражаясь их липкости. Ровно на него плеснулась не земля и мелкие камушки, а какие-то каучукоподобные клейкие вещества.

«Бом!» – бьющего колокола, словно зовущего к себе Данилу теперь слышимо доплыл из центра заброшенного комбината, все же вряд ли поселения. И этот звук такой громкий, точно прекратил какое-либо волновое движение, продолжив звучать достаточно ровно, всего только определяя само направление в каком надо идти парню.

Видимо, потому как этот зов стал таким определенно-мощным в безмолвной местности, юноша сразу поднялся на ноги. И выживая ноги из грязевой жижи да ставя их на прочный участок грунта, созерцаемого более темным оттенком (прямо-таки, черноватым) в сравнении с полужидкой массой сформировавшихся на склоне лужиц, направился вниз по склону холма.

Теперь Данька ступал опасливо, неторопливо, выбирая небольшие островки плотного грунта, понимая, что всякий раз может опять угодить в клейкие вещества грязи и свалиться. А то, что это были именно островки, парень понял немного погодя, когда правая его нога опять угодила в подобную жижу. Однако Даниле удалось не только устоять, но и сразу выудить из лужицы ногу. Поставив ее на более прочный участок, пролегающий тонкой извилистой полосой между явно обозначившимися жидкими лужами. Ровно влаголюбивыми здесь были не только мхи, но и сам грунт, подстраивающийся собственным цветом под действительно плотную почву. Впрочем, весь оставшийся путь парень шел неторопливо, а потому хоть порой и нырял подошвами берц в грязь, ни разу не упал и даже не поскользнулся. А когда, так-таки, спустился с возвышения в пересеченную болотистую местность, там, где-то достаточно удаленно, небольшими оврагами и невысокими вытянутыми кряжами входящую в сине-черную линию небозема, остановился.

Сами постройки, сейчас лежащие впереди и тем смыкающие наблюдение местности, и вовсе смотрелись высокими и мощными, а диаметр неких из них, пожалуй, доходил до пятидесяти метров. Было в принципе непонятно, для чего они тут стоят и каковы их функции. Впрочем, съевший их стены коричнево-красный налет ржавчины, местами явивший и вовсе сквозные дыры, вмятины и узкие щели, указывал, что стоят они тут очень долго. Очевидно, поэтому и потеряли свои функции...

Однако когда к колокольному звону внезапно добавился раскатистый окрик человека, исполнивший то ли «а!», то ли «ау!» Данила сразу сошел с места и поспешил к центральной постройке, вроде окруженной тремя менее крупными зданиями.

Глава вторая. Чертов ковбой

Данила неторопливо шел по такому странному поселению... Все же поселению, потому как внутри него не созерцалось каких-либо приспособлений, механизмов, конструкций, остатков продукции. В то же время юноша увидел на одной из стен ближайшего к нему здания дверь, которая почти до середины вместе с самим сооружением, ушла под воду. Хотя и с тем была заметна ее выпуклая в отношении самой стены поверхность, петля на которой она висела и даже латунная в виде кольца ручка.

Да только Даня не решился подойти к наклоненной влево постройке. Так как и сами подступы к ней были отрезаны рябью зеленой воды, не просто там лужи, а довольно-таки мощного озера. Возле которого, жалкими полосками, пролегли лишь бурые мхи, частью также утопленные в воде. Здесь, кажется, еще сильнее ощущалась горечь сгоревшего мусора, хотя ни дыма, ни того кто его производил не наблюдалось, а плывущие коричнево-серые загустившие туманы над водой маленечко покачивались, просеивая через собственные неплотные пары капли усиливающегося с каждой минутой дождя.

Неожиданно, однако, все еще достаточно удаленно, из-за здания, соседствующего с центральной постройкой, к которой шел Данила, появилась фигура мужчины. Тот, пожалуй, не столько шел, сколько вывернув из-за сооружения, замер на месте, в отношении парня расположившись спиной к нему. И Данька к собственному удивлению заметил, что человек достаточно высокий, широкоплечий, одет, точно ковбой, в клетчатую рубашку без воротника, кожаный жилет, да кожаные чапы, почти полностью перекрывающие темно-синие джинсы. Ибо узкие, по форме бедер вверху, книзу чапы сильно расширились, ровно крылья, прикрывая сами ноги почти до лодыжек, там, скорей всего, переходя в массивные с высоким голенищем сапоги. На ковбое поместилась также (соотносимая с их киношным прообразом) кожаная шляпа с изогнутыми полями, а в повисшей вдоль тела правой руке явственно наблюдался револьвер Кольт с очень длинным цилиндрическим стволом, завершающийся полукруглой мушкой. Вещи на человеке смотрелись не только потертыми, местами даже дырявыми, но и очень грязными, так, что клетку на рубашке и вовсе было сложно привязать к какому-либо цвету.

Мужчина стоял какое-то время неподвижно, словно наблюдая за чем-то, кем-то или только прислушиваясь... Может к все еще гулкому зову воспроизводимому биением колокола, покуда долетающего от центральной постройки этого непонятного комбината или поселения. А, потом, внезапно шагнул вперед, определенно, намереваясь уйти. И Данька, боясь потерять его из пределов собственной видимости, не только прибавил шагу, но и громко закричал:

– Эй! Эй! Подождите! Подождите меня!

Да только стоило парню торопливо ступить вперед, как его правая нога разом нырнула в вязкую жижу, утонув в ней до середины лодыжки и тем самым застопорив само движение. Данила резко дернул застрявшую в водянисто-грязевой субстанции ногу, да опасаясь, что ковбой уйдет, всего-навсего мельком скользнув по ней глазами, перевел взгляд вперед и, одновременно, громко крикнул:

– Эй! Подождите меня!

К собственной радости отметив, что мужчина не просто оглянулся, а, остановившись, развернулся в его сторону, опять же лишь на чуть-чуть застыв на месте. Впрочем, в той мгновении происходящего парень не столько понимая, сколько наблюдая, увидел всю его чудную фигуру, точь-в-точь, соответствующую наглядному представлению ковбоя не только ранее перечисленной одеждой, сапогам с узким, задранном кверху носком, но и столь показательной бандане. Красный шейный платок в виде треугольника, накинутый на лицо, прикрывал щеки, нос, уши человека и едва демонстрировал почти черные глаза. За его широким кожаным рем-

нем с металлической пряжкой на животе поместилось еще три Кольта, подобных тому, который мужчина сжимал в правой руке.

– Здравствуйте! – обрадовано выкрикнул Данила, заметив, что на него обратили внимание и даже приветственно махнул правой рукой, легонечко притом кивнув. Впрочем, уже в следующий момент ковбой вскинул руку с револьвером вверх и вперед да выстрелил в сторону парня, так что взвизгнувшая пуля, кажется, взерошила землю в шаге от его ноги.

– А! – испуганно воскликнул юноша, и совсем чуть-чуть отстранился назад на собственное счастье, выудив из лужи правую ногу, да поставив ее на более плотную поверхность земли. А уже в следующую секунду почти подле закругленного носка левого берца вскинув вверх почву, врезалась в нее черная, сморщенная от удара вторая пуля. И Данька как-то сразу понимая, что диалога с ковбоем не получится, развернулся да дал деру.

Бежал он хоть и быстро, но не долго. Ибо при той плотности, расположенных по обе стороны от грунтовых островков, водных окон уже при втором, или третьем прыжке левая нога Дани воткнулась в грязевую его составляющую и громко чмокнув, втянула саму обувь в себя почти на треть. Тем самым сбив не только бег, но и повалив парня сперва вперед и вниз на оба колена (так, что руки врезались в землю ладонями), а потом свалив и вовсе на живот и грудь. Посему от падения грязевые потоки, словно поднятые из ближайших луж, плеснули Даниле в лицо и глаза, заскочив в рот и тем самым сменив ощущение в нем с горечи дыма на кислородный аромат, чего-то достаточно приятного.

Юноша, однако, не сглотнул тот грязевой ком, всего лишь закашлял, сумев большую его часть и сразу выплюнуть изо рта. И в ту же секунду слышимо просвистела возле его головы пуля, воткнувшись, где-то метрах в двух впереди по направлению тропы. И Данька не в силах подняться, впрочем, подгоняемый страхом, торопливо пополз вперед на карачках, перебирая ногами и руками по пружинистой от влаги почве. Желая теперь лишь одного, убраться как можно поскорей от этого безумного, или только не понимающего русского языка ковбоя.

Да только в таком положении, опираясь на ладони (стирая их о каменистую поверхность грунта и достаточно жесткие стебельки мха, в кровь) и на обе коленки, Даня прополз совсем немного. Когда, сначала правая его рука, а потом и левая коленка, увязли в жижеподобной массе, а сам он, растянувшись вдоль тропы, плюхнулся животом, грудью и лицом в ту пружинисто-водную поверхность, издав притом громогласный болезненный «ой!».

А уже в следующий момент, ему на спину, в район поясницы, кто-то явно наступил. Да непросто наступил, а, определенно, придавил, точно желая в том месте сломать позвоночный столб. Так как последний ощутимо захрустел под таким давлением и в испуге, да болезненном приступе Данька вновь и очень громко закричал. И тотчас давление сразу уменьшилось, а после и вовсе кто-то подцепил его под правый бок, и, прямо-таки, рванув вверх и в сторону, выдернул в данном направлении не только руку, ногу, но и перевернул его всего на спину. Потому первое, что увидел над собой Данила, того самого ковбоя, с красной банданой, прикрывающей полностью лицо. И демонстрирующего лишь черные, как сама ночь глаза, да непросто с темными радужками или зрачками, а, пожалуй, что и белками, при ближайшем рассмотрении кажущимися какими-то убийственно мрачными.

– Who are you? – басовито спросил ковбой и теперь поставил подошву правого сапога прямо на живот парню, направив ему прицельно в грудь дуло Кольта.

– Я Данила, Даня, я... – беспокойной речью отозвался юноша, точно улавливая безумную злобу стоящего над ним человека. – Я тут... не знаю, где... Я тут, don't know, – мешая русские и английские слова, в следующий момент залепетал заплетающимся и тяжелеющим от страха языком парень. – Where and how, где и как... Не знаю, зачем и какие тут правила... What are the rules?

Мужчина, впрочем, ответил не сразу. Он, кажется, еще сильнее вдавив подошву сапога в живот юноши да согнув саму ногу в колене, слегка нагнулся, заглядывая тому в лицо. И его

жесткие, колючие, черные глаза, ровно бездонного омута, уставились в самую суть Даньки не столько даже желая понять, сколько намереваясь выдрать все важное для него... то, что, наверно, и сам юноша о себе никогда и не знал.

– Muscovite? – вновь задал свой вопрос ковбой, и, хотя Данила плохо понимал английский и в целом о чем тот его спрашивает, услышав знакомое слово торопливо кивнул. Впрочем, потому как мужчина моментально и явственно недовольно качнул головой, понял, что сказал не то, что стоило. Так как сразу дуло револьвера да мушка, на нем, несильно дрогнули. И испугавшись, что его сейчас пристрелят, Данька торопливо спросил:

– Where we are? – в надежде разобраться, куда, все-таки, попал.

– In the hell, – незамедлительно отозвался ковбой и красный платок, прикрывающий лицо, колыхнулся в районе рта, словно и само упоминание им «ада», взъерошило его мысли. Он чуть-чуть качнул своим Кольтом, будто прицеливаясь, и незамедлительно из его цилиндрического дула вылетела яркая россыпь света, сменившаяся острой болью в груди и плотной темнотой перед глазами для Даньки, в которой он если и успел подумать, то лишь о чертовом ковбое какового стоило бы замочить из не менее мощной пушки.

Глава третья. Какая-то хрень

Данька, тягостно вздохнув, прижал к груди правую ладонь. Так как внутри груди не просто саднило, а достаточно сильно болело, и из нее, как раз в районе сердца, из небольшой дыры (не только в коже, но и ткани одежды) продолжала тонкой струйкой вытекать кровь. Теперь и дышалось тяжело, словно этот чертов ковбой продырявил парню легкое... Хотя с тем понималось, если бы он прострелил легкое, Даня вряд ли бы сумел дышать и поднявшись с земли, встать и оглядеться.

Оглядеться еще потому как кругом кроме него никого не наблюдалось, даже того самого безумного ковбоя... И если бы не дыра и боль в груди можно было бы подумать, что произошедшее ранее, до потери сознания, являлось лишь вымыслом... галлюцинацией Данилы, не более того.

Меж тем льющий с сизо-свинцовых туч дождь, теперь пошедший сплошным потоком, стал приглушать биение колокола, все еще надрывом отдающегося в голове парня и, одновременно, ослаблять горький дым пепелища. Или это только темно-серые пары, дополнительной полосы мороки образовавшейся в поднебесье, окончательно опустившейся к земле, смешались с грязно-пепельными туманами, выплеснувшимися из озер и плывущих над водой более плотными длинными языками, которые и уменьшили звук и запах, как первого, так и второго.

Данила совсем маленько осматривал местность впереди себя, а после перевел взгляд вправо, к собственному удивлению увидев стоящую и утопающую одним колесом в воде пушку. Будто вышедшая из семнадцатого века, та полевая пушка имела длинный чугунный ствол, водруженный на большие деревянные колеса. Опущенный ствол, уткнувшийся в землю, возлежал на чугунных черных ядрах сложенных друг на друга в небольшую стопку.

Парень какое-то время, молча, разглядывал явившуюся на тропинке пушку, понимая, что до выстрела в него тут ее однозначно не было, так как в таком случае он бы на нее наткнулся, когда шел в поселение.

– Какая-то хрень, – с особой горечью отозвался Данила, все еще потирая грудь и с тем ощущая уменьшающуюся в ней боль, как и само кровотечение. – Где я вообще, и, что до этого было? – спросил он, обращаясь к сизо-пепельному небу и подняв голову, уставился на тот растянутый небесный участок, скучившихся между собой туч, где происходило кипение, и наполняемость водой медлительно перекатывающихся между собой огромных пузырей. В том малом затишье, наверно, желая добиться понимания происходящих событий или правил игры, в которую попал.

– Хрень... Что делать? Что надо? – дополнил он свои излияния вопросами в надежде, что тот, кто устроил данную игру, отзовется, пояснив сами правила и дальнейшее его движение.

Но небо, как и тот кто устроил эту игру, хранили безмолвие... Только продолжал шелестеть дождь, роняя вниз на лицо парня крупные, частые капли воды и еще не прекращал собственного биения колокол, призывая его куда-то вглубь поселения... Все же вряд ли производственного комбината.

Сейчас страх вновь получить пулю, а вместе с ней боль правили в Даниле, сдерживая всякие его действия. Однако отсутствие ковбоя, наблюдаемая пустота пределов самого поселения, да и понимание, что получив пулю, он остался жив, однозначно указывали на нахождение его в компьютерной игре. Ну, может не в стрелялке, а какой-то другой, вероятно, имеющей сохранение. Так как Даня с очевидностью потерял одну из жизней, и видимо, в этой игре точка возрождения, начиналась с места гибели. Вместе с тем юношу волновал сейчас еще один вопрос: есть ли ограничение самих жизней в этой игре? Ведь судя по одежде, рукам, ногам, форме худоватого, невысокого его тела и даже ощущаемого под подушечками пальцев узкого лица

с впалыми щеками, выступающими скулами, заостренным кончиком широкого носа, и большого рта, он полностью сохранил свой внешний облик.

– Почему я не могу вернуться обратно? Не могу увидеть экран телефона, ноутбука? Неужели это какая-то новая модификация шутера, в которую ты полностью погружаешься и не ощущаешь разницы между виртуальным миром и реальным? А может я сплю? – сам себе задал этот поток вопросов парень. И, желая хотя бы развеять последнее для себя, щипнул правыми пальцами тыльную сторону левой руки, ощутив саднящее чувство боли, такое, какое все еще оставалось в груди, хотя кровь из нее прекратила течь.

– Видно, это все же не сон, – произнес Данила, потирая большим пальцем кожу на месте щипка, вновь оглядываясь и с не меньшим интересом рассматривая внезапно появившуюся после пробуждения пушку и ядра возле нее. Теперь предполагая, что это быть может какое-то улучшение, выданное супротив положенных денег, получаемых, даже если ты проиграл (в его случае погиб).

Горечь дыма внезапно, вроде хлынув со всех сторон и сразу, стала и вовсе нестерпимой. И если в горле все еще лишь першило, то язык не просто покалывало, его кончик моментально онемел. Видимо, это происходило потому как серебристые пары, образовавшие над фронтом туч дополнительную полосу, полностью перемешались с грязно-серой мороккой, плывущей над окнами с водой, сделав саму видимость не просто серо-пасмурной, а, прямо-таки, коричнево-дымной. И так как дождь значимо усилился, кажется, уже пробив плечи куртки насквозь и увлажнив материю, находящейся под ней футболки, юноша, еще чуть-чуть помедлив, ступил вперед, вновь став углубляться в поселение. Понимая, что лишь там может найти ответы на свои вопросы, узнать цель игры и, конечно, разыскать укрытие от дождя.

Впрочем, сейчас Данила шел быстро, порой перепрыгивая через маленькие лужицы, образующиеся и на самой плотной тропинке. А из-под его подошв плюхали в разные стороны струйки грязи, да и сама земля, словно мох все больше пружинила и прогибалась под ними, так, ровно парень покачивался на батуте. Парящая коричнево-свинцовая мгла, с каждым шагом юноши увеличивала свою густоту, укутывая в такие длинные плотнеющие между собой языки тумана усыпанного каплями воды, ближайšie постройки и только громкий, призывный звон колокола, продолжал звучать четко. И Даня едва оглядывая саму землю, тропинку и здания в поисках двери на них, почасту чертыхался и еще чаще и словно обидчиво поминал ту самую «хрень» указывающую на непонятное место, обстановку и душевное его состояние.

Глава четвертая. Хрень продолжается

Парень хоть и шел быстро, но когда приблизился к той постройке, возле которой увидел ковбоя, остановился. И как-то сразу...

Он бы, конечно, уже давно спрятался от льющего дождя и тумана в здании, но подступы к ним побольшей части были отрезаны лужами и окнами. Да и сами двери если где и наблюдались, то лишь малым куском, в основном верхними петлями и круглыми ручками, все остальное погребла или земля или опять же вода.

Остановившись, Данила с волнением огляделся, но пухнувший туман особенно загустел по обе стороны от него (как раз между ближайшими постройками). Потому и сами металлически-ржавые сооружения в виде огромных труб слились с коричнево-серыми парами. Ровно, повышающее каждую секунду градус, возбуждение теперь перекинулось и на самого парня. Отчего у него не только застучали между собой зубы (выбивая чечетку), но и тягостно стало сотрясаться само тело, а по коже, сверху вниз, схлынули потоки крупных мурашек.

– Спокойно, это только игра, – сказал Даня, и, открыв рот, глубоко вздохнул, пытаясь себя успокоить, да тотчас услышал раскатистый окрик. И сам от себя того не ожидая плашмя упал на землю, черпанув грудью грязевые потоки, да моментально застыв на месте. Еще и потому как уже в следующую секунду услышал повторный крик и однократный глухой выстрел. Руки парня при падении ушли в бурые лоскутки мха, а пальцы судорожно сжали их короткие стебельки, покрытые коричневыми небольшими листочками, кажущихся засохшими, впрочем, на ощупь достаточно живых и мягоньких. Данька от испытываемого страха даже воткнул в каменистое полотно земли свое лицо, ровно намереваясь, в нем затаится. Однако вновь услышав глухой выстрел, медленно повернул голову направо, прислонив к грунту левую щеку, стараясь все-таки понять, стреляли в него или нет, и где находятся тот, кто производил выстрелы.

Крик опять громкий и какой-то болезненно-горький раздался совсем недалеко, точно в шагах десяти-двадцати от юноши. А после послышались сперва резкие, потом глухие выстрелы, три, четыре, пять да опять протяжные стоны, кого-то умирающего. Кажется, кто-то еще выругался по-английски... Или это вжавшемуся в землю Даньке лишь почудилось, так как от страха у него зазвенело в голове, а перед глазами внезапно выплыла серебристая вертикальная поручень маршрутки.

Впрочем, от испытываемого волнения у юноши моментально перестали стучать зубы и даже содрогаться тело, а мурашки замерли, также неподвижно на коже, в единый миг, прекратив собственное движение. Да только впереди, как и вообще кругом, внезапно вновь воцарилась тишина. Всего-навсего продолжал звонить (тут ровно по покойнику) колокол, не смолкший даже во время стрельбы. Зазывая самого Данилу вперед, теперь и уже определенно не столько к центральному зданию этого поселения (до которого осталось метров пятьсот не больше), сколько туда, дальше, пожалуй, что к линии горизонта, где сизо-свинцовые тучи стыкуясь с землей, образовывали черную черту.

Парень лежал неподвижно недолго... Наверное, недолго, так как движение времени ему сейчас стало сложно понять или с чем сравнить. А когда мурашки опять заскользили по коже спины от шеи вниз к пяткам, наполняя все тело не только холодом, но и особой жутковатой влажностью, Данька несмело вскинул голову от земли, а потом и вовсе приподнялся на полусогнутых в локтях руках, уставившись вперед. Уже в следующую секунду к собственному ужасу разглядев лежащих на земле двух людей, точь-в-точь, по одежде схожих с ковбоем, который в него ранее стрелял. Они лежали на груди, как и сам Данила, словно поджав под себя руки, окатив джинсы, клетчатые рубашки, кожаные жилеты, чапы, сапоги и даже слетевшие с голов шляпы с изогнутыми полями потоками кровавой грязи.

Парень чуть-чуть сместил взгляд правее, и, теперь сотрясаясь от страха, увидел немного дальше от неподвижно застывших на земле ковбоев, еще одного человека и явно живого, шевелящего руками, левой ногой и культяпой правой ноги (остатком конечности вплоть до колена). Однако этот вновь увиденный Даней, хоть и лежал на спине, был не столько одет, сколько всего-навсего укутан в какие-то серые, грязные, рваные тряпки, а его вскинутый подбородок, поросший редкой пепельной бородой, немножко покачивался туда-сюда, будто он плакал или сотрясался от боли.

Да только в следующий момент и сам парень нервно вздрогнул от охватившего его напряжения, и, пожалуй, неожиданности. Ибо боковым зрением он увидел возникшую возле одноногого фигуру еще одного мужчины, вроде только выступившего из коричнево-серого тумана, на плечах которого находилась брезентовая, советского образца и цвета хаки, плащ-палатка. Капюшон, накинутый на голову этого человека, скрывал само лицо, а полы плаща были распахнуты, так что наблюдалась вся остальная его одежда: тельняшка, камуфлированного цвета куртка, брюки да черные с укороченными голенищами сапоги. Вещи у него были тоже потертыми, хотя в отличие от ковбоев почти без дырок и более-менее чистые. Данька торопливо качнул в его сторону головой, слегка ее разворачивая. И заметил, что появившийся человек очень высокий, так как полотнище одетой на него плащ-палатки не достают ему до колен, а позади него покачивается, опущенный ее длинный угол. Но сам взгляд парня все же замер на правой руке того мужчины, так как в ней последний крепко сжимал топор с очень длинным деревянным и гладко отполированным древком, легонечко им покачивая.

Однако он лишь на минуту застыл возле одноногого, наверно, заговорив. Потому как послышался низкий, раскатистый говор (словно сказанный вполголоса), а после, и как-то срыву сойдя с места, направился к ближайшему ковбою, лежащему все также неподвижно на земле. Данила даже не успел ойкнуть, лишь скользнул взглядом за тем скорым перемещением высокого человека, когда тот ровно не останавливаясь, не примериваясь, вскинул вверх топор (ухватив его и второй рукой) так, что он блеснул тонким, острым лезвием и стремительно опустил его вниз на тело ковбоя, издав притом сочный мясистый, плямкающий звук. Удар явственно имел такую силу, что когда лезвие топора вошло в район шеи ковбоя, его голова подобно футбольному мячу отскочила в сторону, а из места раны, прямо-таки, брызнула вверх алая кровь, с белыми кусочками костей, плеснувшись на сапоги неизвестного палача. Само же тело судорожно дернулось вперед-назад, будто до этого момента ковбой был все еще жив.

– Вох! – негромко выдохнул Данила и тотчас прилег на землю, впрочем, продолжая видеть человека с топором. Наблюдая, как он вновь и вновь им взмахивает, плескает струи крови, ошметки костей, костного мозга вверх, стряхивает их вниз с лезвия своего страшного орудия. И то, хорошо, что тела ковбоев юноша не видел, лишь представлял себе, как их кромсают на отдельные части. От испытываемого ужаса и страха за себя Даня крепко сжал меж собой губы и зубы (чтобы не закричать), а погода и вовсе развернув голову, прижался правой щекой к земле, надеясь, что его не увидели. Да только он не перестал слышать гулкие удары топора, хруст костей и плямканье вытекающей крови, кажется, приглушившие не смолкающее биение колокола.

Парень хоть и видел кровь, порой тоже фонтанирующую, в компьютерных играх, но до этого момента никогда не находился в такой реалии, где не просто были слышны удары, но и ощущался кислый кровавый запах пришедший на смену горечи паленного, дотоль наполняющий воздух.

– Что за хрень? Это не игра, а какая-то жуткая хрень, – чуть слышно протянул Даня, тягостно сотрясаясь и с тем понимая, что лежать тут нельзя, а надо как можно скорее убежать. Да только ноги Даньки, как и руки, оказались какими-то ватно-непослушными, как и окостенела его шея, не в силах развернуть голову. Потому и оставалось ему, лежать неподвижно и надеяться лишь на пухнувший туман, который сокроет его от глаз того безумного палача.

Глава пятая. Жиган

Звуки ударов топора о тела прекратились... А кровавый запах, кажется, стал более насыщенным, заползшим не просто в нос, рот Данилы, но и точно в мозги. Так, что от того, прямо-таки, концентрированного привкуса, парня стала тошнить. И хотя в животе бурчало от голода, приступы рвоты подкатывали прямо к губам спрессованными комками слюней, которые Данька очень тихо (как ему казалось) сплевывал на землю. Юноша все еще продолжал лежать на земле, прижимаясь к ней грудью и щекой, и хотя плотность идущего дождя усиливалась, старался не подавать о себе виду. Надеюсь, что если истязания закончились, человек с топором уйдет, и, он тогда сможет убежать. Сейчас Даня даже не думал, куда ему направится. Ибо пребывая в состоянии ужаса леденящего не только кожу лица, но и спины не был в состоянии, что-либо наметить. Напрочь забывая от увиденного и прочувственного, что это все возможно лишь игра... или сон, на крайний случай.

Сейчас почему-то снизилась гулкость звонящего колокола, вроде он сам не просто отодвинулся к линии горизонта, а схоронился за черной чертой, которую создавали в соприкосновении небеса и земля. И хотя продолжал зазывать к себе Данилу, но теперь как-то несмело, порой затихая, и, кажется, лишь чуточку погода вновь слабо сообщая о своем существовании. Внезапно совсем рядом раздалось негромкое поскрипывание обуви, ровно при изготовлении ей перетянули швы, а после более трескучий хруст подошвы о мельчайшие частицы песка и камешков, покрывающих почву, и уже в следующую минуту над парнем прозвучал высокий и очень звонкий тенор, сказавший:

– Ну, чё, ты, как заяц тут притаился, подымайся. Ни боись, ни обижу.

И в Даньку как-то сразу вернулись силы. Потому он резко поднявшись с земли, сел, и даже подняв голову, уставился на стоящего в шаге от него мужчину (того самого расчленителя ковбоев), оказавшегося не только высоким, но и достаточно мощным в плечах, с мускулистыми руками (в правой все еще удерживая поалевший от крови топор). Прямоугольной формы лицо этого человека имело прямой подбородок с ямочкой посередине, полный с мясистым кончиком нос (слегка потянутый вправо), да широкие, с тяжелой нижней, губы. И хотя кожа его лица, как и рук, шеи была, созерцаемо, белой, она слегка переливалась красным оттенком, точно мужчина долго дотоль загорал (и весьма неудачно) или просто давно не мылся, покрывшись какой-то неприятной на вид сыпью. Коротко подстриженные машинкой под троечку его средне-русые волосы, с выбритыми висками, несмотря на то, что их сверху прикрывал капюшон, смотрелись мокрыми. Впрочем, сам Даня лишь мельком окинул взглядом фигуру, лицо человека, вперившись в его черные и тут, словно бездонные глаза, в которых, как ранее у ковбоя не наблюдалось зрачка или белка...

– Как звать-то тебя? – спросил мужчина, еще сильнее пугая юношу своим достаточно приветливым тоном.

– Данила Зинин, – отозвался парень и голос его, задрожав, стих на последней букве собственной фамилии.

– Нормальное имя, как у этого... из фильма «Брат», Данилы Багрова, – произнес мужчина и теперь усмехнулся, легонечко вскинув левый уголок рта, ровно тот у него был парализован. – А я знаешь, Жиган... Это моя кликуха Жиган, как из песни Михаила Круга, небось слышал, – он на чуточку прервался и внезапно довольно приятно запел, —

Жиган-лимон – мальчишка симпатичный!

Жиган-лимон, с тобой хочу гулять!

Жиган-лимон с ума сводил отличниц...

Тебя, Жиган, хочу поцеловать!

Мужчина смолк, тягостно передернув плечами, прикрытыми вымокшей плащ-палаткой, а Даня в ответ, лишь отрицательно качнул головой, будто загипнотизированный черными глазами того, окруженными средне-русскими загнутыми ресницами на которых зацепившись, в такт качнулось несколько мельчайших капелек дождя. Еще и потому парень не ответил, что такую песню никогда не слышал, как и не знал самого Михаила Круга, да и фильм «Брат» видел мельком, предпочитая ему фильмы жанра кинокомикс.

– Да, ты не бойсь, тебя не обижу. Я же вижу, что ты пацан. И как ты сюда попал только, чего натворил при жизни? – с той же осязаемой, слышимой теплотой обратился к юноше Жиган, продолжая немного удерживать вскинутым вверх левый уголок рта, видимо, таким образом, улыбаясь. – Меня, если хочешь знать, Лёхой зовут... Можешь так обращаться, я не против, – дополнил Жиган и теперь медленно опустился на присядки, положив на землю возле ног свой кровавый топор. И Даня, хотя того и не желал, боясь вызвать в этом человеке какой-либо очередной приступ ярости (ибо произошедшее с телами ковбоев никак по-другому нельзя было назвать), неосознанно сместил взгляд на лежащее оружие.

– Да, ладно, не трусь, убивать не стану. Я ж понимаю, ты пацан, – вновь повторил Жиган, очевидно, заметив движение взора парня или только соизмерив выпученность от страха его глаз. – Те двое суки были, сам, небось, от них пострадал. Вставай, пойдем, перебудем тут в закутке, а там решим, что и как. – Он теперь медленно поднялся с корточек, одновременно и достаточно скоро подхватывая топор с земли, так, что последний качнулся в направлении юноши кровавым острым лезвием, – дождь усиливается, уходим, а то мы с тобой напрочь тут вымокнем, Даня, – дополнил Лёха, и вновь усмехнулся.

Да только назвав парня по имени, Жиган точно пробудил его от замершего состояния. И хотя Данька, так и не сдвинул взгляд в сторону, теперь уставившись на сизо-серую почву, принявшую на себя несколько алых капель крови скинутых туда топором, дрожащим голосом, негромко проронил:

– Я только не пойму... Если это игра, то какие тут правила, а если сон... То я хочу проснуться, – он теперь сместил взор с капель крови, медленно впитавшихся в землю, немного вправо и уставился на черные, невысокие сапоги Жигана (явно армейские), покрытые вперемешку грязью, кровью, кусочками костей и плоти.

– Увы, Даня, если ты не понял, так это не сон и, конечно, не игра, – незамедлительно отозвался Лёха, все еще покачивая топором и тем словно стряхивая с самого лезвия остаточное крошево грязи, крови, костей свернувшихся в катушки. – Ты умер и попал в ад, – дополнил он, и парень, услышав такие страшные слова, сказанные сравнительно ровным голосом, перевел взгляд вперед, вроде стараясь развеять утверждения Жигана. Да тотчас в царствование серо-коричневого тумана, охватывающего своими густыми липкими парами не только небо, но и землю, увидел стоящего на одной ноге человека, того самого укутанного в серые, рваные тряпки едва прикрывающие его бедра и руки до плеч. Сейчас настолько вымокшие, что даже отсюда Данька созерцал, как с края тех отрепьев стекает струйками вода. Оборванец, несильно покачивая головой и длинными всклокоченными седыми волосами, да такой же пепельной редкой бородой, подпрыгивая на месте, тянул вслед за собой кровавые останки тела одного из ковбоев, схватив последнего за култышку левой ноги, кровавыми потоками покрывшей не только остатки потертых джинсов на ней, но и кожаных чапов.

– Не понял, да, – произнес или, прямо-таки, пропел Жиган, и его тенор, наполненный приятными, беспокойными нотками драматической окраски, звучал как у отменного исполнителя. – Но ты Даня помер и попал в ад. Так как по-другому это гнилое, мокрое место никак нельзя назвать. Место, где живут всякие ублюдки, суки, урки которые не прекращают убивать, пакостить, грешить даже за смертной чертой... Вот и мой слуга, Шнырь, выполняет тут всю грязную работу. Оно как сукой был при жизни, насиловал бабенок молодых, потому здесь в услужении у меня. А я, при жизни был киллером, а тут ликвидатор. Так сказать подчищаю

территорию от всякого отрепья... Извожу их уже окончательно и навсегда, в ином случае они меня изведут, чего мне сейчас не больно хочется... Сукой был я при жизни, сукой остался. А, ты, пацан, чего наделал в жизни, что попал сюда.

Данька теперь только тягостно дернул плечи вверх, и сам не понимая, что ответить, да и как он мог оказаться в аду...

В аду... который если и можно было себе представить то только как религиозную выдумку человека. Согласно которой ад являлся каким-то страшным местом, где страдали, мучились люди при жизни грешившие...

И все еще надеясь, что происходящее если не компьютерная игра, не стрелялка, то хотя бы сон... Страшный такой, сон...

– Учусь в школе, кажется... Я не помню, что случилось, – почасту прерываясь произнес Данила, понимая, что киллеру Жигану нельзя не отвечать. – Потом раз и тут, не помню где живу, жил, как звать родителей... А потом этот ковбой, бах и мне прямо в грудь, – дополнил парень, указывая себе на грудь, где теперь кроме дыры в куртке и футболке, да несколько кровавых струек, вьедшихся в ткань, ничего о выстреле не указывало. – Гляжу, а тут пушка, и даже чугунные ядра, а потом я пошел вперед и там вы..., – закончил он, боясь упомянуть увиденное.

Теперь и Жиган внимательно оглядел с головы до ног сидящего под ним парня, и слегка сместив взгляд вперед по линии самой тропы, очень низко спросил:

– Тебя убили, а когда ты очнулся рядом, что ли вот та пушка оказалась?

– Ага, – отозвался сразу Данька, хотя он намеревался поправить Лёху, сказав, что его не убили, а скорее всего... Скорее всего он лишь вернулся на точку возрождения, но почему-то не решился противоречить такому суровому с покачивающимся в правой руке топором человеку.

– Теперь ясно, почему последнее время такой сушняк стоял, а сейчас полил дождь, – произнес Жиган, все еще неотрывно глядя вдоль тропы по которой пришел юноша, очевидно, рассматривая стоявшую на ней пушку. – Все указывало на приход счастливчика. А теперь Даня поднимайся и пошли, а то неровен час придут очередные искатели приключений, или припрется кто-нибудь в поисках тебя, счастливчика... Так как должен тебя оповестить, что окончательно сдохнуть можно только в аду, когда тебе отрубят башку и конечности, как только, что сделал я с ковбоями...

Глава шестая. Шнырь и Джеки

И хотя до закутка, к которому вел Жиган, было рукой падать (так как здание³ помещалось, где-то сразу за центральной постройкой) Данька успел много, что услышать. Так, к примеру, он узнал, что сам Лёха жил в лихие девяностые и состоял в крупной свердловской группировке, будучи их лучшим киллером. Убивал он (со слов его же самого) не жалея, стрелял, душил, а если нужно было превращал тела в конструктор, пряча, таким образом, «концы в воде».

Из рассказа Жигана следовало, что к концу девяностых остатки свердловских, завоевав власть в Екатеринбурге (который он неизменно называл Свердловском), стали активно заниматься предпринимательской деятельностью, стремясь скрыть собственное прошлое. И Лёхе, даже, отошло несколько гостиниц в городе, да только пожить ему не удалось, по осени в собственной машине его взорвали. Попав в ад, Жиган какое-то время блуждал тут, ища выход, проход (как говорится хоть куда), но ничего такого не встретил. Впрочем, сошелся с местным жителем, который позднее погиб, передав ему функции ликвидатора.

– Палач, – как-то и вовсе словно выстрелив, назвал своего предшественника Жиган. – Так звали моего товарища. Он родился еще в девятнадцатом веке, попал в каторжную тюрьму в Сибири, а там его выбрали в палачи. Потому как он за побег был приговорен к телесным наказаниям. Не по собственному желанию, так сказать, избрал свой дальнейший, жизненный путь палача. Рассказывал он мне, вроде оправдываясь, что не пережил бы телесные наказания, потому и согласился стать палачом. И дальше добавлял, что в те времена, в России не только народ, но и сами преступники считали работу палача постыдной. А его самого – жестоким существом, предающим память рода. Так вроде палачи еще при жизни свою душу в ад отдавали.

Данила, слушая Жигана, да ступая рядом, смотрел лишь себе под ноги, ибо в этот момент они проходили то самое место ликвидации. И где бурые лоскутки мха и сизо-серую каменистую землю все еще покрывали кровавые лужицы, в которых плавали мельчайшие, белесые ошметки костей, да кусочков плоти. Здесь, прямо-таки, до рвотного рефлекса, невыносимо сильно воняло кровью, точно обработанной уксусом. И хотя Шнырь (как звали слугу Лёхи) все части тел ковбоев утопил в ближайшем окне, справа от тропы, как и сама вода в нем, так и почва рядом, продолжали являть то безумное, растекающееся кровавое изуверство. А потому парящая между небом и землей коричнево-свинцовая морока, густея с каждой секундой, вроде как перемешивалась с наблюдаемой алой поверхностью воды, легонечко покачивая на себе мельчайшие капли дождя, или только человеческой крови.

Жиган, пройдя мимо места ликвидации, резко остановился, тем сдерживая шаг и самого Даньки. Да ступив к краю тропинки, опустившись на присядки, сунул в воду топор вместе с древком, принявшись его в ней отмывать. Одновременно, ладонью левой руки он стал оттирать прицепившиеся кусочки плоти, крапинки костей и кровавые пятна от поверхности лезвия и топора.

– Говорил, что поначалу творил экзекуции с трудом, – вновь продолжил свой рассказ Лёха, а стоящий возле него парень, видел как под движением орудия и его рук, краснеет, ровно от стыда сама зеленая вода в озере. – А после вроде как привык, стал даже получать удовольствие. Мастером он стал хорошим, пользовал людишек кнутом, плетью, палками, розгами, кошками, батогами, клеймил, истязал, вешал. А потом и сам удавился, вроде совесть его замутила... А, какая там совесть... Тут все без совести, чести, суки, урки, словом... Я то и сам сука, да, что теперь...

Жиган резко поднялся с корточек, вынув свой отмытый от изуверств топор из воды, да легонечко им затряс, таким образом, смахивая с древка оставшиеся капли. Оставляя в зеленой

воде озера распространяющееся по ее поверхности кровавое пятно, чуть колеблющее плавающие поверх него такие же красные и более уплотненные кусочки плоти да костей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.